

Попыткой создания подобной комедии явилась пьеса К. **«Чудесный сплав»** (1934), ставшая, пожалуй, самым известным его произведением. Она обрела сценическую жизнь одновременно в пяти столичных театрах: МХАТе (реж. Б. А. Мордвинов), ТРА-Ме (реж. И. Я. Судаков), театре Сатиры (реж. Н. М. Горчаков), Ленинградском театре комедии (реж. Р. Р. Суслович), Ленинградском академическом театре драмы (реж. В. П. Кожич), а затем прошла по всей стране. Большой успех комедии, утверждавшей идею неприятия индивидуализма в среде советской науч. молодежи, был сам по себе замечателен. Но в ней же таился и тревожный симптом зарождения бесконфликтной драматургии, распространившейся впоследствии. Столкновение индивидуалиста Олега с коллективом науч. бригады получало в итоге слишком легковесное разрешение. В потоке похвальных рецензий на комедию К. встречались иногда и трезвые ее оценки: «ладно скроенное обозрение из жизни не слишком глубоких, но „глубоко своих“ ребята» (Дрейден С. // Рабочий и театр. 1934. № 34. С. 21). После 1956, в период лит.-общественной «оттепели», на театральных сценах страны состоялось второе рождение пьесы **«Чудесный сплав»**.

Последней попыткой вторжения К. в злободневную современность была его пьеса **«Большой день»** (1937), посвященная жизни военных летчиков и проникнутая предощущением будущей войны. Постановленная Театром Красной Армии (реж. Е. С. Телешова) и Театром им. Евг. Вахтангова (реж. В. В. Куза) в Москве и Большим драматическим театром им. М. Горького в Ленинграде (реж. А. Д. Дикий), она все же явно не дотягивала до уровня его лучших произведений.

Весной 1937 К. был обвинен в троцкизме, арестован и спустя год расстрелян. В 1956 его реабилитировали. Архив писателя не сохранился.

Соч.: Драматические произведения / вступ. статья Н. Стальского. М., 1957; Избранное / предисл. Л. Шаумяна. М., 1958; Статьи и речи о драматургии, театре и кино / вступ. статья Е. Горбуновой. М., 1962; О лит-ре и искусстве / вступ. статья Р. Корнблюм. М., 1967.

Лит.: Луначарский А. В. СС: в 8 т. Т. 2: Советская литература. М., 1964; Альтман И. Творчество Кирсона // Лит. критик. 1934. № 2; Гурвич А. Три драматурга: Погдин. Олеша. Киршон. М., 1936; Бородина О. Владимир Киршон: Очерк жизни и творчества. Киев, 1964; Тамашин Л. Владимир Киршон: Очерк творчества. М., 1965; Корн Р. Владимир Киршон // Театр. 1980. № 9.

В. П. Муромский

КЛЕНОВСКИЙ (настоящая фамилия Крачковский) Дмитрий Иосифович [24.9(6.10). 1893, Петербург — 26.12.1976, Траунштейн, Германия] — поэт. Критика дружно называет К. последним русским акмеистом и включает его в тройку лучших поэтов «второй волны» русской эмиграции.

Отец поэта — академик живописи, мать — художница-пейзажистка. С 6–7 лет до 16 мальчик «издавал» свои журналы, разумеется, рукописные. Вместе с родителями много путешествовал по Европе. С 1904 по 1911 юноша учился в Царскосельской гимназии, имя которой будет часто встречаться в его стихах.

Печатается с 1914. Первый сб. **«Палитра»** вышел в канун Октября 1917 и остался почти не замеченным критикой. С 1925 собственных стихов не пишет, но много переводит украинских авторов.

В 1942 писатель эмигрирует через Австрию в Германию, где возобновляет свою поэтическую работу. Одна за другой выходят 11 книг стихов: **«След жизни»** (1950), **«Навстречу небу»** (1952), **«Неуловимый спутник»** (1956), **«Прикосновение»** (1959), **«Уходящие паруса»** (1962), **«Разрозненная тайна»** (1965), **«Стихи. Избранное»** (1967), **«Певучая ноша»** (1969), **«Почерком поэта»** (1971), **«Теплый вечер»** (1975), **«Последнее»** (1977).

В этих названиях легко прослеживается единая нить: стремление постичь, передать почерком поэта след жизни, прикоснуться к неуловимой тайне бытия, устремиться навстречу небу.

Как и у акмеистов, «радость» едва ли не ключевое слово в поэзии К. В стих. **«Просьба»** (1946) он пишет о счастье «рвать черемуху, трогать струны, провожать серебряные луны», сторожить розовые зори. Он называет «высокими мгновеньями» общение с любимой и чтение пушкинского «Онегина». К «сокровищам неба и земли» относит сады, звезды, прибои (**«Я их изведаль, радости земли»**). Вместе с тем через все книги поэта проходит мысль о связи быта и бытия: «В каждой капле, камешке, листе / Шумный космос дремлет, изначален, / Оттолкнулся — и, глядишь, причален / К самой невозможной высоте!» (**«Повседневность»**, 1950).

В «никем не тронутой тишине», в луче света, в звезде «и в каждодневном хлебе иногда» поэт видит «нездешней преломленности находку» (**«Заложница несбыточной мечты...»**). Другое дело, что земное воплощение бытия разрознено в множестве явлений. Поэт сравнивает эти проявления

Д. И. Кленовский

с черепками, подобранными в пыли повседневности, и восклицает: «Как хороша должна быть в целом разрозненная тайна их».

В стих. **«Я знаю: мир обезображен...»**, **«Вера»**, **«Поговорим еще немного...»**, **«Я тоже горлиц посылал»** К. утверждает, что вопреки всему следует верить в «связь неземного естества / С земным своим изображеньем!», в наличие высшего смысла бытия: «Я знаю: мир обезображен. / Но сквозь растленные черты / Себя еще порою кажет / Лик изначальной красоты... И с каждым разом мысль упрямей. / Что мир совсем не обречен, / Что, словно фреска в древнем храме, / Лишь грубо замалеван он». Даже «не забытое, не прощенное» с годами не то чтобы прощается (этого нет), но становится неотъемлемой частью жизни лирического героя, тяжелой, но все-таки благословенной («Прикосновение», «Певучая ноша»).

В земном и радостном мире поэзии К. огромное место занимает любовь. Почти все его поздние сб. имеют краткое, но выразительное посвящение: «Моей жене». Уже в ранних стихах любимая «ясна, как на заре», и питает всех «этой утренней прохладой необугленной души» (**«Вот она, моя любимая»**). Это целомудренное описание любви сохраняется и в последующем творчестве К. Шепот влюбленных у него сильнее «шума вселенной» (**«Как бушевали соловьи»**). Лишь в одном стих. (**«Нас было двое. Женщина была...»**) присутствует

любовная трагедия: обманутый лирический герой совершает самоубийство. Но и здесь внимание автора сосредоточено не на измене, а на той нежности, которую его герой испытывал к бросившей его женщине, прикоснувшейся к нему после рокового выстрела. Через много лет пожилой поэт вновь обратится к этой теме, хотя и в гораздо более смягченном, элегическом тоне (**«Я оборачивался без конца»**, **«Мне сладко думать, уходя»**). Любовь поэта простирается столь далеко, что он обещает любимой прийти к ней после смерти, чтобы она на другой день улыбнулась: «Знай, это я вчера незримо / Пришел помочь меня забыть» (**«Я знаю комнату, в которой...»**). И если в «Певучей ноше» поэту еще казалось, что «она» и «он» — «два разных существа», «мы можем быть вдвоем, но никогда не сможем стать единым», то в стих. **«Помнишь встречу наших двух дорог»** следующей книги К. опровергнет это собственное утверждение, сказав, что «для нас они (дороги.— В. А.) слились в одну» и «дорога превратилась в путь».

Темы радости жизни и любви соединяются у К. с темой поэзии. Писатель приходит к выводу о равенстве поэзии и жизни. В подтверждение этой мысли он приводит обычай немцев, восклицающих о цветке, девушке, о любом нравящемся им предмете: «Ну разве не стихотворенья?» (**«Когда они вконец восхищены»**). «Ничто так сердце не будит, как настойчивый зов стиха»,— пишет К. в стих. **«Поэты»**. Стихи — это «ямбическое прикосновение к душам»,— вторит он себе во вступ. стихотворении сб. «Прикосновение», развивая свою более раннюю мысль о том, что самое огромное пространство — «пространство наших душ» (**«Мы потому смотреть на небо любим...»**). Русский язык для поэта — способ выражения души: «Есть в русском языке опушки и веснушки, / Речушки, башмачки, девчушки и волнушки / И множество других, таких же милых слов. / Я вслушиваться в них, как в музыку, готов» (**«Есть в русском языке...»**).

Язык сближает поэта с родиной. Тема России постоянно звучит в лирике К.: «Я служу тебе высоким словом. / На чужбине я служу тебе» (**«Родине»**, 1952); «Он живет не в России — это / Незыбывный его удел. / Но он русским живет поэтом / И другим бы не захотел» (**«Поэт зарубежья»**, 1973).

К. уверен, что «обратно возвращает слово все то, что срублено и сожжено» (**«Его вчера срубили, что осталось...»**). Поэт, по К., повар у плиты, пчелка, собирающая

мед («**Стихи о стихах**»). Впрочем, наряду с бытовыми определениями стиха К. охотно использует и высокие.

В одном из поздних стих. поэта («**Себе**», 1971) мысль о том, что все уже сказано, «обо всем спрошено», «на все, что мог, тобой отвечено», опровергается прямо противоположной: надо продолжать работать, писать: «Просто тропкой иди, / Чужеземной, узкою / Что, быть может, впереди, / Все ж сольется с русской». В последних книгах К. тема поэта и поэзии сливается с темой смерти. Поэт говорит, что чем ближе к старости, тем яростнее становится жажда жизни. С этой точки зрения показательно стих. «**Когда приходит день осенний...**», где повторяются в целом ряде стихов слова «дожить бы до». Лирический герой хочет дожить до первого дрозда. С др. стороны, в смерти К. видит некое драматичное «щемящее освобождение», «испепеляющее чудо», приближение к непостижимой для земного существа тайне («**Последних мук не угаить**», «**Чем дальше я живу...**», «**На определенной высоте**»): «Мы стоим перед загадкой, / Что свершится с нами там...»). Находясь «в плену земли», человек, по К., не должен забывать о высшем предназначении (у поэта это звучит метафорой «Давайте строить корабли»), и тогда поэзия обеспечит если не бессмертие, то продление земного бытия («**Мы сохраняем в памяти былых**»).

Худож. мир К. весь устремлен к классической поэзии. О своих поэтических пристрастиях он скажет в стих. с полемическим названием «**Нет бедных рифм, докучливых, плохих...**». «Строка,— утверждает здесь поэт,— требует, как берегов река, / Спокойного, совсем простого слова». Рифмы К. изящны, но строги. Он избегает явной игры аллитерациями, ассонансами, сдержанно пользуется составными рифмами, но мастерски владеет приблизительными и не боится рифм глагольных (не просите — пишите; узнавайте — не забывайте). Его любимый размер — ямб. Его он употребляет втрое чаще, чем хорей. Ориентация на напевность, лиризм, а не приближение к разговорной интонации обусловила минимальное использование трехсложных размеров. Не очень широко пользуется поэт и разноstopными размерами, характерными для нервного стиха XX в. Основными худож. средствами К., покоряющими сердца читателей, являются слово и интонация.

Идея гармонии, вера в мир и человека делают стихи К. актуальными для трагического XX столетия.

Соч.: Собрание стихов. Париж, 1982. Т. 1; Стихи. Избранное. Мюнхен, 1967; Певучая ноша. Мюнхен, 1969; Почерком поэта. Мюнхен, 1971; Теплый вечер. Мюнхен, 1975; Последнее. Мюнхен, 1977; [Стихи] // Строфы века: Антология русской поэзии. М., 1995.

Лит.: Казак В. О Дм. Кленовском // Наш современник. 1993. № 2; Ульянов Н. Д. Кленовский // Новый ж. 1960. № 59; Офросимов Ю. Рифмованные догадки: О поэзии Д. Кленовского // Новый ж. 1967. № 88; Витковский Е. В. Разрозненная тайна Дмитрия Кленовского // День поэзии. 1989. М., 1989; Ржевский Л. Последний акмеист: О творчестве Дмитрия Кленовского // К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики. Norwich, 1990. Агеносов В. В. Лит-ра Русско-го зарубежья. М., 1998.

В. В. Агеносов

КЛЕЩЕНКО Анатолий Дмитриевич [14.3. 1921, д. Поройки Мологского у. Ярославской губ.— 9.12.1974, с. Ключи Елизовского р-на Камчатской обл.; похоронен в пос. Комарово Ленинградской обл.] — поэт, прозаик.

Сын художника, в 1930-е вынужденного работать в ленинградских типографиях. Значительное влияние на К. имел его двоюродный брат Б. И. Коплан (1898–1941) — видный литературовед, крупнейший специалист по истории русской лит-ры XVIII в., поэт, ученый секретарь и ученый хранитель Пушкинского Дома, арестованный в 1929 по «академическому делу» и до конца 1933 находившийся в ссылке. В 1932 К. решил бежать в Америку, добрался до Молдавии, где почти год обучался в таборе цыганским премудростям. В 1933 К. был найден отцом и отвезен в Киев учиться живописи; с осени 1934 — в Ленинграде.

С 12-летнего возраста К. писал стихи, мечтал стать профессиональным поэтом; вершиной поэзии К. считал «Москву кабацкую» С. Есенина. Поэтическая увлеченность познакомила его в 1936 с А. Ахматовой, а также с Б. Корниловым, который ввел его в круг лит. богемы и познакомил юного поэта со всеми значными местами Ленинграда. В 1937 К. поступил на заочное отделение филол. ф-та ЛГУ; сотрудник отдела лит-ры и искусства газ. «Смена». Первая публикация в 1937. С 1938 К. входил в лит. группу «Смена» при СП (руководитель А. Гитович; среди участников — В. Шефнер, И. Михайлов, А. Чивилихин, С. Ботвинник, Н. Новоселов и др.). Программным для К. стало стих. «**Вийон читает стихи**» (Лит. современник. 1940. № 5–6. С. 133) — в дальнейшем на всех этапах своей жизни К. сопоставлял свою судьбу с участью Ф. Вийона.